

В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова.

Собственное имя в русской поэзии XX века: Словарь личных имен.

М.: ООО Издательский центр «Азбуковник», 2005. — 448 с.

Эпоха потрясений в общественной жизни отозвалась в отечественной лингвистике бурным развитием практической лексикографии, и период с начала 90-х гг. XX века недаром был окрещен «временем словарей». Эта ситуация одновременно закономерна и парадоксальна, она спровоцирована и внешними, социальными, причинами, и внутренней логикой развития филологической науки. Так, тенденция к лексикографической параметризации языка, иначе говоря, к «ословариванию», «представлению в виде словарей *par excellence* результатов самых разных, а в идеале — всех лингвистических изысканий»

[Караулов, Гинзбург 2003: 5], оценивается как характерная для отечественной и мировой лингвистики прогрессирующая линия развития.

Любой словарь одновременно *венец (конец)* и *начало*: он является и *итогом* огромной исследовательской работы по накоплению и интерпретации языкового материала, и *истоком* дальнейших изысканий, нередко даже тех, которые и не предполагались авторами.

Именно таким нам представляется рецензируемый словарь собственных имен. Выросший из грандиозного проекта (*идеи-мечты*, как выразился В. П. Григорьев) «Словаря языка русской поэзии

XX века», он, без сомнения, представляет самостоятельную ценность. Эта ценность видится нам в нескольких моментах.

Во-первых, имя собственное занимает уникальное место в языке и поэзии. Оно, с одной стороны, отражает денотативное пространство языка и — соответственно — мир вещей, следовательно, этнокультурную специфику эпохи. С другой стороны, «едва ли не любое слово в поэзии потенциально напряжено как самоназвание, то есть как имя собственное» [Григорьев 1997], и едва ли не любому поэтическому имени собственному могут быть приписаны понятийные признаки. Таким образом, «философия имени» в поэзии есть составляющая поэтической философии, поэтической картины мира соответствующего времени. Поэтому закономерно, что рецензируемый словарь реализует «широкий подход к имени, разрушающий „берлинскую стену“ между собственными именами и нарицательными» [Григорьев 1997]. Эта исследовательская позиция определяет состав словника (3000 словарных статей), включающего не только *собственно собственные* имена, но и нарицательные, выступающие в роли собственных (*Царь, Царевна*), перифрастические наименования лиц (*Пезарский лебедь* — Россини), производные от личных имен (*гуттенбергов, по-байроновски, муссолиниться, моцарт*), а также систему ссылок, устанавливающих отношения ко-референтности и переходности между собственными и нарицательными именами (**Отрок** — А. Н. Романов; см. АЛЕКСИЙ; **Овидий** — *тж.* в знач. *нариц.*).

Во-вторых, цитатный материал. Объем отдельного контекста диктуется стремлением авторов словаря показать «приращения смысла», особенности ритмики и фоники поэтического текста и колеблется от словосочетания до стихотворения, а совокупность контекстов

к заголовочному слову представляет собой полный конкорданс.

В-третьих, набор лексикографических параметров, который реализует не только вполне очевидную цель (как можно более бережно передать своеобразие функционирования имени в тексте и тем самым сохранить авторский замысел), но и желание облегчить читателю понимание внутреннего мира поэта и его окружения через ономастикон как важнейшее слагаемое этого мира. Таким образом, словарь ориентирован и на языковую личность автора, и на когнитивную базу читателя; наконец, он репрезентирует активную позицию исследователя — медиатора между поэтом и читателем (отмечу две показательные в этом отношении словарные пометы: *Хм.* — знак сомнения в правоте поэта; *?* — знак сомнения составителей в даваемых ими характеристиках).

Безусловно, словарь обладает богатым потенциалом как для собственно научных изысканий в области художественной речи, так и для учебной исследовательской работы студентов. Существование электронной версии словаря (<http://www.philol.msu.ru/~humlang/slovar.si.2003>) облегчает преобразования, позволяющие переструктурировать материал в соответствии с избранным аспектом анализа. Назову лишь несколько тем, которые могут быть выполнены на базе словаря: пушкинские (гоголевские, гомеровские, шекспировские etc.) имена в русской поэзии XX века; состав и функционирование теонимов (античных, христианских, мусульманских); советские революционные деятели в зеркале поэзии XX века (*Ленин, Сталин, Лариса Рейснер, Луначарский, Троцкий*); поэтика одного имени (*Александр, Петр, Ольга*); этноспецифические онимы (французские, английские, немецкие); окказиональное словообразование в сфере собственных имен (*муссолиниться, немаркисчен* и проч.);

словосложение как специфический способ создания антропонимов (*облачко-Пегас, Бус-удавлось, Вихрь-Деввица, Жар-Деввица, Опрометь-бог*) и многие другие (среди уже осуществленных исследований [Григорьев, Колодяжная, Шестакова 1999; Шестакова 2004; Шестакова 2006]). Стоит привлечь в качестве сравнения другие словари идиостилей, содержащие более или менее полную информацию о собственных именах («Лермонтовская энциклопедия» (М., 1981), «Шевченковский словарь» (Киев, 1977), даже «Словарь языка Пушкина» (М., 1956—1961) и др.), — и откроются новые возможности исследования и новые грани обозначенных проблем. Заметим, что, хотя частотные индексы не включены в словарь, высокочастотные имена легко опознаются по объему зоны контекстов, следовательно, вполне могут быть осуществлены исследования, связанные с распространенностью в поэзии тех или иных типов имен и реконструкцией соответствующих ономастических полей.

В заключение хотелось бы отметить еще один читательский адрес издания — оно обращено ко всем, кто любит и ценит русскую поэзию и русскую литературу Серебряного века. Существуют словари, которые выполняют не только собственно утилитарные, но и эстетические, гедонистические цели — их просто интересно читать, как читают обычную книгу. Таков, например, словарь иностранных слов, словарь фразеологизмов или словарь Даля. На наш взгляд, «Собственное имя в русской поэзии XX века» относится именно к этой категории словарей.

Кстати сказать, В. П. Григорьев полагал, что в обществе назрела потребность в том, что можно назвать «Поэтическим Ожеговым» с перспективой его превращения в «Поэтического Даля». Однако вспомним, что, кроме известного «Толкового словаря», В. И. Даль из-

дал «Пословицы русского народа», которые можно рассматривать и как самостоятельный труд, и как один из источников знаменитого словаря, и как *после-текст* («Пословицы» вышли почти одновременно с первым изданием словаря). Так же и рецензируемый словарь: будучи сконцентрирован в рамках одного издания, ономастический материал, на наш взгляд, смотрится более выпукло, чем в «большом» словаре, и приближает нас к ответу на «вечный» шекспировский вопрос «*Что значит имя?*».

Л и т е р а т у р а

Григорьев 1997 — В. П. Григорьев. Самовитое слово / Словарь русской поэзии XX века. Пробный выпуск: А–А-ю-рей. 1997.

Караулов, Гинзбург 2003 — Ю. Н. Караулов, Е. Л. Гинзбург. Опыт типологизации авторских словарей // Русская авторская лексикография XIX–XX веков. М., 2003. С. 4–16.

Григорьев, Колодяжная, Шестакова 1999 — В. П. Григорьев, Л. И. Колодяжная, Л. Л. Шестакова. Имя собственное *Пушкин* и его производные в Словаре русской поэзии XX века «Самовитое слово» // Пушкин и русский поэтический язык XX в. М., 1999. С. 297–309.

Шестакова 2004 — Л. Л. Шестакова. Личные имена в рифмах Марины Цветаевой (по материалам словаря «Собственное имя в русской поэзии XX века») // Чужбина, Родина моя!: Эмигрантский период в жизни и творчестве М. Цветаевой: Материалы XI междунауч. науч.-темат. конф. (9–11 окт. 2003 г.). М., 2004. С. 441–453.

Шестакова 2006 — Л. Л. Шестакова. Имена поэтов в словаре «Собственное имя в русской поэзии XX века» // Словоупотребление и стиль писателя: Сб. ст. СПб., 2006. С. 186–195.